

В. Л. Павлов, канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Национального университета пищевых технологий, г. Киев

ПРОБЛЕМА ДОБРА И ЗЛА В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ ЛЬВА КАРСАВИНА

Исследуются взгляды Л. Карсавина на специфику бытия добра и зла. Отмечается их религиозная направленность и оторванность от практики индивидуальной и общественной жизни людей. Указывается на необычность трактовки характера функционирования зла. Оно понимается не как противоположность добру, а как недостаточность последнего. Тем самым зло лишается статуса самостоятельного образования. Показывается противоречивость позиции философа по ряду рассматриваемых в статье вопросов.

Ключевые слова: добро, благо, зло, религия, Бог, Церковь, Всеединство, личность, грех, онтология, ценность, противоположность, диалектика, насилие, ответственность, смерть.

Лев Платонович Карсавин (1882–1952) — талантливый историк-медиевист, многогранный религиозный философ, принадлежащий к числу российских мыслителей, выдворенных из Советской России за границу в 1922 г. на т. н. философском пароходе. Его жизнь и творчество — пример служения истине и правде в непростых условиях социальных катаклизмов первой половины XX ст.

Одной из отличительных особенностей творчества этой личности является органичное сочетание автором глубоких знаний религиозных и философских текстов, особенностей многочисленных религиозных, культурологических и философских учений и ярко выраженной собственной позиции по широкому спектру рассматриваемых вопросов и проблем. В его трудах много фактического материала и оригинальных мыслей относительно анализируемых концепций и теорий, взглядов мыслителей прошлого и тогдашнего настоящего, событий в разных сферах действительности.

Уже в студенческие годы, затем и после окончания историко-филологического факультета Петербургского университета, в котором со временем ему выпадет честь трудиться профессором, Л. Карсавин всецело отдается изучению религиозной жизни Европы, особенно Италии и Франции, в период позднего Средневековья. Тщательно исследует феномен монашества. Будучи

верующим человеком, значительное внимание уделяет также осмыслению явлений и процессов светской жизни индивидов и общества. При этом в парадигме исследовательского процесса религиозные установки теоретика играют *ведущую роль*.

В творческом наследии автора проблематика этического характера *не* занимает центрального места. И все же, он периодически обращается к вопросам, имеющим моральную направленность. Отдельное внимание уделяет феномену добра, а в связи с ним и феномену зла. Зло — «побочная» тема для пытливого ума философа. Она интересует его лишь потому, что не может обойти вниманием тему добра. Трактует добро (соответственно и зло) преимущественно с позиций идеализма. В одних ситуациях выражено представлен субъективный идеализм, в других — объективный. Подавляющее большинство формулировок непосредственно или опосредованно «замкнуто» на религию.

Смысловой стержень творчества Л. Карсавина — религия, Бог, Церковь. Мысли по этому поводу в большей или меньшей мере присутствуют во всех его сочинениях. В контексте темы статьи они имеют однозначный лейтмотив — все, что связано с религией, особенно в ее христианском (в первую очередь православном) проявлении, заслуживает оценки с позиций добра: «Церковное понимается как добро, не-церковное — как зло, ибо оно есть зло не только в том случае, если ему приписывается злая активность, но и в том, если оно признается нравственно-индифферентным» [7, с. 403]. Приоритет и одновременно доброта религиозного и церковного — мировоззренческая установка Льва Платоновича. В некоторых произведениях, где речь идет о религии, он периодически формулирует мысли так, что они больше похожи не на аргументированное изложение исследователем своих взглядов, а на проповедь священника перед паствой.

Автор выступает категорически против отделения религии и Церкви от государства. Подчеркивает при этом, что следует четко определить сферы влияния этих образований. Церковь должна всячески поддерживать добро и осуждать зло и тем самым помогать государству решать задачи, стоящие перед

ним. Но ни в коем случае не заниматься вопросами политического характера. Государство, в свою очередь, хотя и не имеет права навязывать Церкви свои приоритеты, обязано защищать ее от неправомерного вмешательства извне, в том числе от антирелигиозной пропаганды. Идеальные отношения между ними — состояние гармонии. Позиция мыслителя заслуживает внимания и в значительной мере привлекательна в теоретическом плане. Практика же реального бытия государства, религии и Церкви свидетельствует об ином. Каждая из этих сил, в зависимости от обстоятельств, пытается всячески использовать потенциал и возможности своих «коллег» в собственных целях. Нередки примеры сращивания государства с Церковью, а также подчинения (или зависимости) одного образования другому.

Л. Карсавин — яркий представитель той части российских мыслителей, которые активно разрабатывали и пропагандировали религиозно-философские идеи Всеединства. Согласно их позиции, в целостном Всеединстве человек, общество, государство, Церковь сливаются (единятся) с Богом¹. Личный вклад Льва Платоновича в разработку данной концепции несомненен. Среди прочего это находит выражение в обосновании положения о динамике Всеединства. В данной динамике автора интересует не только Бог и общество, но и личность. Личностное бытие во всех его проявлениях, в первую очередь проявлении духовном — сфера повышенного внимания исследователя. Именно здесь добро и зло, по его мнению, проявляют себя рельефно и значимо. Умело интерпретируя с религиозно-философских позиций содержательное поле данных образований и их предназначение, теоретик выстраивает собственную, в определенной мере необычную аргументацию характера взаимосвязи добра и зла в жизни индивидов, общества и государства. Интересна в этом плане его работа «О личности» (1929).

Термин «личность» философ часто использует в специфически религиозном понимании данного слова. Обычный человек (индивид) и личность *разли-*

¹ Силой, способной на практике обеспечить достижение такого Всеединства, по убеждению Л. Карсавина, является православие. Эта мысль «красной нитью» проходит через все его творчество.

чаются, прежде всего, степенью их приближенности к Богу. Личностью можно стать лишь путем религиозного приобщения к Абсолюту². Это долгий и трудный путь, успешно одолеть который под силу не каждому. Поэтому жизнь людей, при условии, что они желают постигать Бога, — процесс становления их как личностей. По сути, такой ход мыслей — не что иное как религиозная эманация (и интерпретация) светского становления личности на основе социализации индивидов, их «вхождения» в социум, приобщения к существующим в обществе знаниям, опыту, нормам совместного общежития. Естественно, и в светском пути социализации, и в карсавинском пути восхождения индивидов к Богу людям приходится сталкиваться как с добром, так и со злом.

У мыслителя свое, весьма оригинальное понимание добра и зла. «Всякое бытие» он априори признает за добро [См.: 6, с. 250; 12, с. 423]. Иными словами, сам факт существования чего или кого-либо изначально есть добро: «Добро — нечто от меня независимое, объективное и неоспоримое. Оно выше меня, меня самого делая добрым» [6, с. 251]. Это положение уточняет, конкретизирует. Подчеркивает, что статус добра в первую очередь имеет *истинное* бытие. Но поскольку параллельно существует и «злое бытие», оно, согласно автору, заключает в себе противоречие. Зло проявляется как *недостаток* добра и может постепенно изжить само себя. Для этого важно не накапливать присутствие данного изъяна в мире.

Лев Платонович не случайно вынужден делать оговорку относительно т. н. истинного бытия. Если быть последовательным в рассуждениях и выводах, то его позиция, что «всякое бытие» — это добро, автоматически «делает» добрым и зло, имеющее в реальном, чувственно-практическом мире также статус бытия. Но это противоречит логике жизни. Добро и зло различаются на сущностном уровне. И сколько ни философствуй вокруг этого ситуация не изменится. У добра совершенно иные характеристики, чем у зла, да и функции тоже иные. При этом не стоит забывать, что понять одно без другого невозможно. Это сто-

² «...Человек есть через Богоприятие преодолевающее себя животное...» [8, с. 473].

роны единого целого. Каждая из них, как и все иные противоположности, — другое самого себя. Поэтому в логическом плане позиция мыслителя довольно уязвима. К тому же, она полностью противоречит практике человеческого общежития.

Л. Карсавин проводит различие между *онтологией* добра и зла и проявлением этих образований на уровне *оценки* субъектом окружающей действительности и человеческих поступков. Такой подход не отличается оригинальностью, но требует уточнения. К сожалению, автор этого не делает. Согласно этике, понятия добра и зла — результат ценностного освоения человеком мира. Вне этого освоения добро и зло, как таковые, *не* существуют. Есть просто мир как объективная реальность, независимо от характера ее функционирования — материальности или нематериальности. Добрым, как и злым, в данной реальности может стать что-либо лишь в контексте отношения субъекта к тому, что оценивается. Дискутировать об онтологии добра и зла стоит, но сама эта онтология априори предполагает наличие конкретных субъектов оценочных суждений. Как следствие, она теряет собственную (онтологическую) «чистоту», становится вплетенной в субъект-объектные отношения. Говорить об онтологии добра и зла можно лишь условно, понимая, что где-то рядом, невидимо присутствует субъект, который не высказывает оценочных суждений, демонстрирует свою безучастность, безоценочность, индифферентность. Он просто наличествует, но никак себя не проявляет. По большому счету, доброе и злое могут заявлять о себе на онтологическом уровне лишь тогда, когда субъект соответствующим образом «промаркировал» конкретные объекты. И хотя их функционирование имеет объективный характер его нельзя познать и описать без участия субъекта. Все это осталось вне поля внимания мыслителя.

Добро (соответственно и зло) как результат ценностного ранжирования субъектом всевозможных проявлений действительности и поведения людей у Льва Платоновича обязательно предполагает наличие *критериев* ранжирования. Их два. *Первый* — некое всеединое добро, существующее независимо от человека и делающее его добрым. *Второй* — сам субъект, правда, при условии,

что заявляет о себе как добро. Поскольку не каждый индивид является носителем добра, да и не всегда добрый человек поступает только в соответствии с принципом доброты, получается, что он одновременно — «и добро и не добро».

Философ убежден, что кроме «одобряющего» и «одобряемого» существует «высшее одобряющее начало». Оно выше «одобряющего» Я, «...является необходимым условием существования для меня добра и содержит в себе всяческое добро. Оно — всеединое добро» [6, с. 253]. Это «высшее добро», по мнению теоретика, выступает одновременно основой и условием всевозможных конкретных проявлений добра. При таком подходе источник добра — некое начало, обладающее одновременно реальной бытийностью и трансцендентностью. Л. Карсавин наделяет его статусом «актуального всеединого». «Оно сразу и все добро и каждое добро; и в каждом добре оно все, и каждое добро — все оно» [6, с. 257]. Естественно, речь идет о Боге. Формулировки подобного рода мало что добавляют для прояснения сути, но, поскольку задекларированы автором, их стоит принимать во внимание. Кроме того, Лев Платонович утверждает, что всеединое добро проявляет себя также как всеединая истина и всеединая красота («краса»). В его учении бытие, добро, истина и красота — моменты, аспекты, стороны Всеединого. Одновременно они — атрибуты Бога. Так, например, он пишет: «...Называя Бога красою, мы вносим в идею Божества что-то наше, человеческое...» [2, с. 286].

В факте онтологического существования добра и зла и ценностного варианта проявления этих образований философ усматривает *основную апорию этики*. Последовательно проводит мысль о *приоритетности* субъекта, высказывающего суждения относительно доброты одного и зла другого, перед содержанием того, что получило такие оценки. По иному: хотя добро и зло существуют сами по себе, независимо от субъекта (Л. Карсавин говорит от первого лица — своего Я), заслуга в их обнаружении принадлежит именно субъекту. Следовательно, акт одобрения чего-либо — это одновременно фиксация (обнаружение) объективно функционирующего добра и наделение (от имени Я) со-

ответствующих объектов (явлений, процессов, поступков и др.) чертами доброты.

В общефилософском смысле мыслитель ассоциирует добро с постижением человеком Бога. Эта мысль последовательно представлена во всех его сочинениях. Отчетливо заявляет о себе в произведении «Мистика и ее значение в религиозности Средневековья» (1913). И это при том, что собственно о добре и зле в непосредственной, прямой форме здесь не говорится. Идти к Богу, осваивать истины Святого писания, погружаться чувствами и мыслью в мир религии — значит, по мнению автора, делать добро как для самого себя, так и для окружающей действительности. Отступление от Бога — всегда зло, обретающее в означенном контексте вид греха. В этом плане заслуживают внимания соображения Льва Платоновича о возможности греховных деяний человеком, максимально прилагающим усилия для приобщения к Богу [См.: 4, с. 27]. Самосовершенствование индивида не только в том, чтобы он не грешил, не продуцировал зла, а, в первую очередь, — в повседневном стремлении одолевать путь восхождения к Богу и принятии его в своей душе как абсолютной ценности. Слабое (недостаточное) движение в этом направлении — одновременно и зло, и грех.

Наряду с понятием «добро», нередко и одновременно, параллельно с ним, в рассуждениях о зле Л. Карсавин использует понятие «благо». И хотя эти термины не тождественны по своему содержанию, автор периодически, высказываясь о зле, соотносит его именно с благом, а не с добром: «Зло, как зло, только недостаток блага и живо оно лишь тем, что в нем подлинно есть и что есть в нем как благо. То же, что мы называем злом, к о н к р е т н о е з л о, вовсе не лишенность блага, но — одностороннее или ограниченное благо...» [5, с. 193]; «Такова уже природа зла, что оно, не обладая самостоятельным бытием, всегда является искажением какого-нибудь блага. Поэтому законно и необходимо за злом всегда искать искажаемое им благо...» [7, с. 402]. Он не уточняет содержание термина «благо». Подчеркивает, что данная ценность является Божьим

даром³. Люди желают ею обладать, нередко «...забывая о возможности дара только при условии деятельного к нему стремления» [2, с. 297]. Автор убежден: при всей важности Бога в жизни индивидов без активного, деятельного заявления о себе в мире надеяться на успех не стоит. Свою позицию относительно необходимости не «плыть» за ходом событий, а всегда активно отстаивать и проявлять личное Я, демонстрировать стремление духа, достигать желаемого трудом он последовательно проводит везде, где это возможно.

Благо и добро, не будучи тождественными по своей сути, тесно взаимосвязаны между собой. Интерес в этом плане представляет цитата из карсавинского труда «О сущности православия» (1924): «Мы стремимся к благу человечества. Подобное стремление, лежащее в основе всякой идеи прогресса... само по себе, конечно, есть добро. Оно остается добром и тогда, когда осознав свое бессилие сделать лучшею прошлую жизнь человечества — заменить наслаждениями страдания наших предков и благами мира кровопролитные войны, которые они вели, — мы ограничиваем цель нашу эмпирическим будущим» [9, с. 397]. Во второй части работы «Диалоги» (1923), рассуждая о прогрессе и социализме, философ высказывает довольно крамольные, как для своего времени, мысли относительно меры добра и зла самой социалистической идеи, социалистической революции в России в 1917 г. и попыток новой власти реализовать социалистическую идею в практике общественных отношений. Он против любой революции, поскольку она «противоречит духу христианства», несет людям разрушения, прерывает естественный ход времени.

В сочинении «Noctes Petropolitanae» (1922) автор высказывает любопытную мысль: «Наше понимание блага и зла *не соответствует* (выделено — В. П.) истине бытия» [5, с. 193]. Трудно понять, что имеется в виду, ибо конкретизация суждения отсутствует. Следующий за приведенной цитатой текст посвящен явлениям самоутверждения и самоотдачи и в общефилософском смысле практически ничего не добавляет к сказанному.

³ Сам Бог — «сверх-благо» [См.:10, с. 32].

У Льва Платоновича не совсем обычная трактовка зла. *Во-первых*, она имеет непосредственное отношение к феномену Всеединства. Поскольку Всеединое ничем не ограничено, то в своей абсолютности оно является добром. Здесь добро представлено в виде идеала, высшей цели, достижению которой должна быть подчинена активность людей, конфессий, Церкви, государства, общества в целом. *Во-вторых*, определение зла осуществляется теоретиком не путем противопоставления этого образования добру, а через уменьшение доли последнего в отношениях между людьми и в мире в целом. Он считает, что зло — *ничто*, и постулирует парадоксальный вывод: «Существует только добро. Зла нет...» [6, с. 260]. Но реальная жизнь людей без зла не обходится. Это происходит потому, что «всеединому добру» не удается пока реализовать себя полностью и всесторонне в практике человеческой жизнедеятельности. Оно воплощается лишь в относительных проявлениях. Зло, по Л. Карсавину, — *неполнота* бытия добра. Чтобы оставаться последовательным в своих взглядах, философу приходится вводить новые термины. Например, там, где можно и стоит говорить о зле, он говорит о «еще-не-добре» и «уже-не-добре» [См.: 6, с. 283]. Искусственность используемых слов очевидна, но такова воля автора. Существование этого «неполноценного» (неполного) добра продлится до тех пор, пока подлинное Всеединство не наступит во всем своем величии и красоте.

Иными словами, в основе суждения, что зло — ничто, лежит мысль о недостаточности, ненадлежащей причастности к добру. Зла нет потому, что его нет в принципе. Существует лишь добро — в его различных проявлениях и разных степенях присутствия в каждом конкретном случае. Зло — в том, что в добре всегда чего-то не достает до его полноты, завершенности, тем более абсолютности. Конкретные проявления добра имеют относительный характер. Они — свидетельство недостаточности причастности ограниченного и относительного к Всеединому и абсолютному. Субъективное основание существования зла — в отсутствии надлежащего стремления людей к всеобщему утверждению добра.

К подобной аргументации автор прибегает также в рассуждениях о должном и недолжном, истине и лжи. Последняя, как таковая, в «чистом» виде, вне истины тоже не существует. Ложь — не что иное, как недостаток истины [См. 2, с. 289]; «...за ложью [следует всегда искать — *В. П.*] — искажаемую ею истину» [7, с. 402]. Сказанное означает: неполнота того, что изначально, по своей природе и сути представляется ценным, значимым для человеческой жизни, делает соответствующее образование уязвимым, ущербным, не позволяет ему в полной мере выполнять свои функции и, как следствие, не просто понижает его статус, а нередко и нивелирует предназначение. Формулировки такого рода грешат некой «математичностью» и не позволяют в полной мере использовать потенциал диалектики для анализа специфики функционирования противоположностей, независимо от сферы их проявления. Означенная позиция — свидетельство особого, авторского понимания Л. Карсавиным сути диалектики. Он создал собственный вариант этого учения. Условно его можно назвать иррационалистической диалектикой [См.: 15]. Правда, изредка философ все же «скатывается» на позиции традиционно диалектического взгляда на жизнь, в рамках которого мир трактуется как система противоположностей. Об этом свидетельствуют его отдельные формулировки, в которых диалектика проявляет себя в «мягкой» форме: «Добро исключает зло...» [6, с. 258]; «...добро не есть зло, зло всегда не-добро» [6, с. 258]; зла «...нет вне добра...» [6, с. 274]; зло как недостаточное добро обнаруживает «...свою недостаточность чрез противопоставление его полноте добра» [6, с. 260].

Теоретик не мог не видеть, что действительность «сотката» из противоположностей и полна противоречий, но дает всему этому личное оригинальное толкование. Акцент делается не просто на положительных сторонах бытия в целом (оно само по себе ассоциируется с добром) и существовании чего-либо (конкретных объектов) в частности. Автор выстраивает теоретические формулировки таким образом, что негативные стороны («отрицательные» противоположности) — неполное, частичное, «лоскутное» проявление всего того, что является положительным, позитивным по своей сути. Это не его противополож-

ность в строгом, классическом, общепринятом смысле слова, а всего лишь ограниченность, недостаточность бытия того, что имеет положительный потенциал: «Зла без добра не существует: зло живет добром, как его недостаточность» [9, с. 400]. При таком подходе противоположности теряют свои очертания, становятся неразличимыми, «растворяются» одни в других. Реально, фактически существуют добро и зло, правда и ложь, счастье и несчастье, справедливость и несправедливость и т. д., а в системе карсавинских объяснений статус бытия имеют лишь первые стороны каждой пары названных противоположностей. Как только они теряют полноту своего существования (определенные количественные и качественные характеристики), лишаются прежнего статуса, но не до конца, не полностью. Потому-то, согласно Льву Платоновичу, «...зла нет...» [См.: 2, с. 303], хотя на самом деле в объективной действительности его с избытком. Тем самым исследователь приносит в жертву реалии жизни своей познавательной парадигме.

Осмысливая религиозные и философские учения прошлого, Л. Карсавин обращает внимание на различные попытки теологии и философии найти ответ на вопрос о природе добра и зла. В работе «Глубины сатанинские (Офиты и Василиды)» (1922) исследует особенности трактовки этого вопроса в дохристианский период и первые столетия новой эры. Показывает сложности, возникающие в рамках дуалистического и пантеистического подходов в понимании природы и особенностей бытия Бога и человека, и, соответственно, добра и зла.

Поскольку человек, согласно автору, — существо одновременно телесное и духовное (телесно-духовное), то добро и зло имеют непосредственное отношение к этим двум его проявлениям. В силу того, что каждое из них обладает своей спецификой, добро и зло по-разному реализуют себя в материальной и духовной жизни людей. Данные образования возможны прежде всего потому, что человек по природе своей — существо свободное. Поскольку он «...вместе с Богом творит мир и самого себя...» [8, с. 477], то в этом процессе и его результатах названные выше противоположности — неизбежные продукты человеческой свободы. Вину за совершенное зло индивид может чувствовать лишь

потому, что он свободен. Зло, принесенное субъектом другим людям по принуждению извне, имеет совершенно иной оттенок, чем зло, продуцируемое (преднамеренно или непреднамеренно) свободной личностью.

Лев Платонович убежден: «...Во Христе нет ни капельки зла...» [10, с. 37]; Бог «...зла не творил...» [10, с. 37]. Подчеркивает, что в религиозном гнозисе зло понимается как «...плотская или материальная стихия мира... Благо воспринимается как стихия духовная и преимущественно интеллектуальная...» [1, с. 81]. В последний период жизни, будучи безнадежно больным и находясь в лагере для заключенных в Сибири, автор, в связи со своими раздумиями о добре и зле, обращается к выводам античных мыслителей. Констатирует, что греческая философия усматривала начало зла в материи [См.: 8, с. 474]. Такой подход ему близок. Согласно мыслителю, истинная причина зла — в тварности человека. Но поскольку он — творение Бога, то получается, что Бог в исходном акте созидания заложил в свое детище возможность, потенциальность продуцирования не только добра, но и зла. По-иному: Творец с самого начала дал согласие на существование зла, от бытия которого автор всячески открещается. Лев Платонович, к сожалению, такой логической конструкции не выстраивает и не видит никаких противоречий в собственных рассуждениях о добре и зле. Его позиция хотя и непроста, но однозначна — для человека крайне важно «...познать, что зло не существует» [10, с. 57] (несмотря на то, что о нем так много говорят и пишут).

Анализируя зло с позиций религии, философ трактует его как результат греховных деяний людей. В означенном контексте выделяет в данном образовании *две стороны*: зло-вину и зло-страдание [См.: 10, с. 36]. «Грех как вина всегда сопровождается грехом как страданием, которое является и наказанием за вину и ее искуплением» [13, с. 387]. Страдание — это кара, наказание за злые деяния и одновременно искупление соответствующей вины. Автор отмечает единство этих сторон зла в тварной душе человека. Последнюю рассматривает как то место, где зло рождается. Считает, что хотя оно и лишено статуса «осо-

бого бытия», игнорировать присутствие зла в жизни индивидов и общества в целом недопустимо.

Хотя Л. Карсавин пытается быть последовательным в своей трактовке зла, его позиция, на самом деле, непоследовательна, противоречива, теоретически слаба и полностью не соответствует реальному положению вещей. Исходное суждение автора, как подчеркивалось выше, — зла нет. Но если нет зла, не может быть и добра. Согласно учению Льва Платоновича, добро не только существует. Сам факт бытия чего-либо объявляется им добром. Налицо явная несуразица — при отсутствии зла наличествует добро и таковым является все, что присутствует в мире. Отрицая (категорически и однозначно) существование зла, автор одновременно пишет о нем, но не как о самостоятельном, полноценном образовании, а как недостаточности бытия добра. Зло — то же добро, но в ограниченности своего проявления: «...Зло только кажется отличным от добра, а на самом деле от него не отлично и уж вовсе не может быть какою-то особою стихиею» [10, с. 37]. Иными словами, зло — это добро, но реализующееся неполно, частично, ограничено. Достаточно обратиться к практике человеческого бытия, как станет очевидно, что такая аргументация не может быть признана полной и убедительной. Например, ненависть одного человека к другому; целенаправленное желание доставить знакомым или незнакомым людям физическую или душевную боль; стремление разорить конкурента; ложное обвинение индивида в преступлении, которого он не совершал, — мизерный перечень состояний и действий, где зло проявляет себя в полной мере, а не как минимизация добра. Здесь оно — выраженная противоположность добру. Именно так, а не через карсавинскую неполноту, ограниченность добра, зло и проявляет себя в жизни.

Не желая называть зло злом автор, все же, не может отрицать существования этого образования. Иначе зачем тогда постулировать суждения: «В каждом из нас — всечеловеческое зло, все зло падших ангелов..., все мировое зло» [10, с. 53]; следует «...научиться отличению добра от зла...» [10, с. 57]. От имени своего читателя Л. Карсавин задает самому себе вопросы: «'’...Чем... объ-

яснить... вечную борьбу в нас между злом и благом, между злыми страстями и устремлением в Бога? Почему зло поработывает нас как некая могучая стихия, захватывающая нас? Что такое этот поток зла, в действительности которого сомневаться смешно?» [10, с. 52]. Одновременно высказывает суждения иного характера: зло «...само по себе... не существует...» [10, с. 53]; необходимо стремиться «...познавать только добро...» [10, с. 57]. Имеет место странная ситуация — зла нет, но, тем не менее, о нем автор ведет речь. Следовательно, это образование все же существует. И сколько ни называй зло недостаточностью добра, суть от этого не меняется — зло есть. Это довольно мощная сила, противостоящая добру и активно влияющая на все стороны жизни человека, общества, государства. Сколько ни заявляй, что «...зло не может быть особою силою и особым бытием...» [10, с. 36], зла в мире от этого меньше не станет. Игра словами не меняет сути дела. В рассматриваемой ситуации присутствует то, что исследователь русской философии В. Зеньковский назвал «узором слов», «...в которых исчезает четкость понятий...» [14, с. 386].

Мыслитель пытается разобраться в непростом вопросе о связи бедности, смирения, добра и зла. Положительно оценивая феномен смиренности индивидов, особенно в их преклонении перед Богом, отмечает положительные и отрицательные стороны бедности. Одновременно указывает на существовавшие в истории религии дискуссии о роли в жизни человека т. н. злого блага и дурного смирения.

У Льва Платоновича свой взгляд на вопрос борьбы со злом. Он вытекает из его общей позиции относительно зла. Поскольку зло как самостоятельное образование не существует, следовательно, и бороться с ним не представляется возможным. Как можно сражаться с тем, чего «нет совсем». Это все равно, что вести борьбу с ветряными мельницами (последние, как известно, существуют). «'Борьба со злом', — по мнению автора, — может заключаться только в напряжении воли к добру, в росте причастия к бытию» [6, с. 273]. И хотя он берет слова в кавычки, означенная борьба все-таки возможна (и необходима!). Правда, в предлагаемом способе борьбы философ смещает акцент на добро. И все

ради того, чтобы удержаться в рамках своей парадигмы о специфике проявления зла.

Л. Карсавин высказывает мысли противоположного содержания относительно непротivления злу насилием. *С одной стороны*, он против насилия, ибо оно противоречит христианским ценностям. Свою позицию подкрепляет ссылками на Святое писание. К тому же, если в очередной раз следовать автору, «нет зла», а, значит, и «...нечему противиться (а если бы зло было, Бог, конечно, повелевал бы ему противиться...)» [10, с. 55]. Поскольку во всем, что люди называют злом, присутствует «слабый огонек блага», то, раздувая его, можно уменьшать долю зла в душе человека и объективной действительности. На насилие следует реагировать увещанием, но ни в коем случае не осуждением того, кто его проявляет. Ведь Бог завещал не осуждать. Лучше всего насильственным действиям противопоставлять добро. Тогда его объем будет постоянно увеличиваться в мире, что в конечном итоге должно привести к уничтожению насилия. Идея, несомненно, красивая и отличается большим нравственным потенциалом, но в большинстве случаев неприменима для достижения желаемого результата. Лев Платонович наивно полагал, что продуцируемое субъектом добро, в том числе по отношению к насильнику, раньше или позже может вызвать у него раскаивание за совершенные проступки и превратит злодея в порядочного человека.

С другой стороны — от насилия нельзя отказываться, если это действенный (нередко единственно возможный) способ борьбы со злом, защиты субъектом своей свободы и суверенитета. Поэтому толстовское непротivление злу насилием как жизненный принцип человека, некий абсолют не находит у философа полной и безоговорочной поддержки. Ему ближе «мягкий» вариант данного суждения, когда это не безоговорочный принцип, а позиция, которая может меняться в зависимости от обстоятельств. Субъекту не стоит надеяться на чудо, а хорошо продуманными и взвешенными действиями отстаивать и защищать свои интересы. В индивидуальной и общественной жизни очень важно соблюдение справедливости. Если справедливость невозможно воплотить на

практике без наказания (= насилия), то его следует все же проявить. Мыслитель считает, что общество и государство могут обходиться без лишения преступников жизни, но без кары и насилия нормально функционировать им не по силу. Негативно высказывается в адрес тех, кто внутренне разделяет идею непротивления злу насилием и открыто декларирует собственную позицию по данному поводу, при этом молчаливо одобряет действия тех, кто насильственным способом пытается уничтожить зло. Факт лицемерия таких людей налицо.

Актуальной для теоретика была проблема ответственности за причиненное зло. В этой плоскости необходимо различать два момента: ответственность человека, особенно верующего, перед Богом и ответственность индивидов, групп людей, государства за непреднамеренное или преднамеренное зло в адрес других людей. Философа в равной мере интересуют оба варианта ответственности. В работах, где в большей или меньшей мере анализируются социальные процессы, особое внимание уделяется ответственности государства перед своими гражданами. Признавая принуждение и насилие в практике государственного управления неоспоримым фактом и трактуя его как зло, он обращает внимание на то, что попыток преодоления этого зла в истории человеческого общества не так уж много, да и все они безуспешны. Как человек верующий, мыслитель готов принять некоторые положения социалистической идеи, но напроць отвергает классовую борьбу и революцию как способы, пути изменения действительности.

Истинный христианин, по убеждению Льва Платоновича, должен всегда думать о моральной ценности результатов своей деятельности. Поскольку любые знания всегда несовершенны, а обстоятельства жизни во многом непредсказуемы, то нередки случаи, когда благие пожелания людей получают на практике искаженное воплощение. Следовательно, зло — не только плод заведомо злых поступков индивидов, но и побочный, непредсказуемый итог их изначально доброжелательных усилий. Тем не менее, «...мысль о будущем, а тем более направленная на будущее деятельность, нравственно и религиозно допустимы лишь тогда, когда приносят только добро» [9, с. 397].

Исследуя творчество Ф. Достоевского, автор указывает на обращение писателя к проблеме зла в контексте постановки вопроса о возможности его оправдания (как тут ни вспомнить работу В. Соловьева «Оправдание добра»). Но если добро, в силу своей сути и предназначения, вовсе не нуждается в оправдании, ибо принадлежит к сфере высших ценностей индивидуального и общественного бытия, то со злом дело обстоит совсем иначе. По большому счету, оправдывать зло недопустимо, аморально и небезопасно. При таком подходе к нему создаются условия для психологического принятия зла как хоть и отклонения от нормы человеческого общежития, но, все же, чего-то такого, с присутствием которого можно (и даже стоит!) мириться. Тем самым формируются предпосылки для снижения барьеров резко критического отношения в обществе к данному феномену. И хотя Ф. Достоевский в своих сочинениях много пишет о зле как социальном явлении, присутствующем в бытии людей в самых разнообразных формах, его он совсем не оправдывает, а размышляет прежде всего о природе зла. Л. Карсавин цитирует дневник Федора Михайловича: «”Никогда разум не в силах был определить зло и добро или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда [их — *В. П.*] позорно и жалко смешивал...”» [3, с. 133]. Вряд ли с этим утверждением можно безоговорочно согласиться. Интересно другое — философ последовательно проводит мысль, что такое различение под силу лишь религии. Это еще один пример того, как мировоззренческие установки личности влияют на формулировки и выводы философского характера.

В связи с творчеством Ф. Достоевского Лев Платонович оттеняет своеобразный аспект «злого» — негативное влияние католицизма на процессы, лежащие в основе формирования образования, обозначаемого термином Всеединство. По мнению мыслителя, католицизм, оказавший и оказывающий огромное влияние на все стороны жизни западных обществ и государств, «...отвергает идею всечеловеческого организма или взаимодополняющего единения наций во имя религиозного интернационала...» [3, с. 134–135]. К тому же, отмечает он,

нельзя сбрасывать со счетов противостояние между католицизмом и православием.

Преодоление зла невозможно без преодоления человеком своего несовершенства. «Высший» (последний) уровень такого преодоления — смерть. Для Л. Карсавина такая постановка вопроса не случайна. Он много и по разным поводам рассуждает о смерти. Рассматривает последнюю как компонент целостного кругооборота бытия природы и человека, важный элемент функционирования Всеединства, в котором все связано со всем: «В круговороте вечном жизни и смерти все возникает и все погибает, все становится всем» [11, с. 97]. Умирая, индивид исчезает как существо телесное, субъект, страдающий и радующийся, продуцирующий добро и зло. Смертью завершается цикл его физического существования, прерывается возможность личного влияния «здесь-и-теперь» на окружающих людей, события, происходящие в ближайшей и отдаленной среде. Но посеянные семена добра и зла продолжают давать всходы и после физической кончины субъекта. Мера их присутствия в обществе, степень воспроизводимости и сила влияния напрямую зависят от комплекса факторов, не в последнюю очередь от авторитета того, кто был «сеятелем». Здесь явно видно единство прерывности и непрерывности. Имеет место то, что Лев Платонович называл «жизнью-чрез-смерть». Через смерть происходит преодоление индивидуального в человеке. Оно (индивидуальное) поднимается до уровня общего, становится компонентом культуры как надиндивидуального образования. Индивидуальное обогащает культуру своей неповторимостью, оригинальностью и одновременно растворяется в ней. В культуре человечества индивидуальное, особенное и общее слиты воедино. При этом все индивидуальное, что имело при жизни его носителей яркий, оригинальный, общественно значимый характер эту характеристику не теряет. История сохраняет в своей памяти имена выдающихся личностей, оставивших в ней свой след — как добрый, так и злой, независимо от времени их бытия и содержания деятельности.

Литература

1. *Карсавин Л. П.* Глубины сатанинские (Офиты и Василид) // Карсавин Л. П. Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. С. С. Хоружего. — М.: Раритет, 1993. — С. 73–94.
2. *Карсавин Л. П.* Диалоги // Карсавин Л. П. Малые сочинения. — СПб.: АО «Алетейя», 1994. — С. 285–342.
3. *Карсавин Л. П.* Достоевский и католичество // Карсавин Л. П. Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. С. С. Хоружего. — М.: Раритет, 1993. — С. 120–156.
4. *Карсавин Л. П.* Мистика и ее значение в религиозности Средневековья // Карсавин Л. П. Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. С. С. Хоружего. — М.: Раритет, 1993. — С. 14–30.
5. *Карсавин Л. П.* Noctes Petropolitanae // Карсавин Л. П. Малые сочинения. — СПб.: АО «Алетейя», 1994. — С. 99–203.
6. *Карсавин Л. П.* О добре и зле // Карсавин Л. П. Малые сочинения. — СПб.: АО «Алетейя», 1994. — С. 250–284.
7. *Карсавин Л. П.* Об опасностях и преодолении отвлеченного христианства // Карсавин Л. П. Малые сочинения. — СПб.: АО «Алетейя», 1994. — С. 395–413.
8. *Карсавин Л. П.* Основные тезисы метафизического миропознания // Карсавин Л. П. Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. С. С. Хоружего. — М.: Раритет, 1993. — С. 471–477.
9. *Карсавин Л. П.* О сущности православия // Карсавин Л. П. Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. С. С. Хоружего. — М.: Раритет, 1993. — С. 359–402.
10. *Карсавин Л. П.* Saligia или весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах // Карсавин Л. П. Малые сочинения. — СПб.: АО «Алетейя», 1994. — С. 24–57.
11. *Карсавин Л. П.* София земная и горняя // Карсавин Л. П. Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. С. С. Хоружего. — М.: Раритет, 1993. — С. 95–115.

12. Карсавин Л. П. Церковь, личность и государство // Карсавин Л. П. Малые сочинения. — СПб.: АО «Алетейя», 1994. — С. 414–446.
13. Лосский Н. О. История русской философии. — М.: Высшая школа, 1991. — 559 с.
14. Прот. Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. — Т. 2 / 2-е изд. — Париж: YMCE-PRESS, 1989. — 477 с.
15. Савельева М. Ю. Иррационалистическая диалектика Л. П. Карсавина // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. — 2019. — №1 (5). — СПб.: Международный центр изучения русской философии, 2019. — С. 40–52.

Павлов В. Л. Проблема добра і зла в релігійно-філософському вченні Льва Карсавіна

Досліджуються погляди Л. Карсавіна на специфіку буття добра і зла. Відмічається їх релігійна спрямованість і відірваність від практики індивідуального та суспільного життя людей. Вказується на незвичність трактування характеру функціонування зла. Воно розуміється не як протилежність добру, а як недостатність останнього. Тим самим зло позбавляється статусу самостійного утворення. Показується суперечливість позиції філософа по низці питань, що розглядаються у статті.

Ключові слова: добро, благо, зло, релігія, Бог, Церква, Всеєдність, особистість, гріх, онтологія, цінність, протилежність, діалектика, насилля, відповідальність, смерть.

Pavlov V. L. The Problem of Good and Evil in Leo Karsavin's Religious and Philosophical Teaching

There are investigated L. Karsavin's views on the specifics of being good and evil. There are noted their religious orientation and detachment from the practice of individual and social life of people. An unusual interpretation of the nature of the functioning of evil is indicated, which is understood not as the opposite of the good, but as the failure of the latter. Thus, evil is deprived of the status of independent formation. There is shown the contradiction of the position of the philosopher on a number of issues discussed in the article.

Keywords: good, blessing, evil, religion, God, Church, Unity, personality, sin, ontology, value, opposite, dialectic, violence, responsibility, death.